

труднейшую проблему диалогизма. «Вечное» символическое искусство он, как никто другой, обогатил опытом национальной и мировой духовной культуры. Высочайшую оценку И. как мыслителю и поэту давали практически все, в т. ч. Ф. Степун, Б. Зайцев, П. Флоренский. В. Эрн говорил о нем как о мыслителе «огромной, пленительной глубины», как об «ослепительном» мастере слова (Эрн В. Ф. Соч. М., 1991. С. 124). Весьма примечательна оценка и А. Ф. Лосева, который, вспоминая о своих встречах с прославленным «мэтром», писал: «Я целую жизнь являюсь сторонником Вячеслава Иванова, являюсь его учеником <...> Для меня это авторитет в смысле мировоззрения. В смысле единства искусства, бытия, космологии и познания человека <...>. Это не прихоть художественная, а широкая объективная картина <...> это — наивысший реализм, а не субъективизм, хотя тут на каждом шагу — тайна. Родное и вселенское» (Лосев А. Ф. Из последних воспоминаний о Вячеславе Иванове // Эсхил. Трагедии / пер. Вяч. Иванова. М., 1989. С. 465–466).

Соч.: СС. Т. 1–4 / подгот. текста Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель, 1971–87; Стихотворения. Поэмы. Трагедия: в 2 кн. / вступ. статья А. Е. Барзаха, прим. Р. Е. Помирного. СПб., 1995; Незаконченная трагедия Иванова «Ниобея» / публ. Ю. К. Герасимова // Ежегодник РО Пушкинского Дома. 1980. Л., 1984; Переписка из двух углов / совм. с М. О. Гершензоном // Наше наследие. 1989. № 3; Предчувствия и предвестия: Сб. статей. М., 1991; Родное и вселенское / вступ. статья В. М. Толмачева. 1994; Вяч. Иванов. Материалы и публикации / сост. Н. В. Котрелев // Новое лит. обозрение. 1994. № 10; Лик и личности России: Эстетика и лит. теория / вступ. статья, прим. С. С. Аверинцева. М., 1995; Вяч. Иванов: Материалы и исследования. М., 1996; Вяч. Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999; Дионис и прадионисийство. СПб., 2000; Русско-итальянский архив III: Вяч. Иванов. Новые материалы / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Салерно, 2001; Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. СПб., 2002.

Лит.: Брюсов В. Я. СС. М., 1975. Т. 6; Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979; Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Пг., 1923; М., 1990; Белый А. Начало века. М.; Л., 1933; М., 1990; Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976; Минц З. Г. А. Блок и Иванов // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту. 1982. Вып. 604; Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992; Егоров Б. Ф. Вяч. Иванов и русские славянофилы // Русский текст. СПб.; США, 1993. № 1; Зайцев Б. Вячеслав Иванов. Воспоминания о Серебряном веке / сост., автор предисл. и комм. В. Крейд. М., 1993; Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. В. А. Дымшиц, статья и комм. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995.; Франк С. Л.

Артистическое народничество (Вяч. Иванов. «По звездам») // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996; Струве Г. П. Русская литература в изгнании. М., 1996; Пяст Вл. Встречи. М., 1997; Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997; Пургин С. П. Философия в круге слова: Вяч. Иванов. Екатеринбург, 1997; Берг Р. Вяч. Иванов за рубежом // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Тарту, 1997; Степун Ф. А. Встречи. М., 1998; Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999; Богомолов Н. А. Русская лит-ра начала XX в. и оккультизм. М., 1999; Обатнин Г. Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова (1907–1919). М., 2000; Борисова Л. М. Трагедия Вяч. Иванова в отношении к символистской теории жизнетворчества // Русская лит-ра. 2000. № 1; Маковский С. К. Портреты современников. М., 2000; Аверинцев С. С. «Скворещиц вольных граждан...» Вяч. Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001. Корецкая И. В. Лит-ра в кругу искусств. М., 2001; Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2002; Русско-итальянский архив II / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Салерно, 2002; Вяч. Иванов — Петербург — мировая культура: Материалы международной науч. конференции 9–11 сент. 2002 г. Томск; М., 2003.

В. С. Федоров

ИВАНОВ Геннадий Викторович [14.3.1950, г. Бежецк Калининской (ныне Тверской) обл.] — поэт.

По отцовской и материнской линии родом из крестьян Тверской губ. Родители рано разошлись, поэтому отца не помнит; воспитывался матерью и отчимом. Детство провел в деревне Высочек Бежецкого района. Первые представления о мироустройстве почерпнул от глубоко религиозной бабушки, которая заронила в детскую душу ощущение, что Бог видит всё. Поэт вспомнил ее не раз в стихах: «Полосы снега метельного / Ветер пронесит по льду. / Над занесенными елями / Первую вижу звезду. / ...Бабушка часто в раздумии / Учит, чтоб я уповал: / Люди, что жили, не умерли — / На небе век их настал. / ...Есть ли там снежные россыпи? / Песни поют ли? О чем? / Разве с такими вопросами / Справишься детским умом...» («Далекое»).

Учился в с. Градницы в школе, располагавшейся в бывшем барском доме Гумилевых, перевезенном в 1930-х из Слепнева. Впоследствии бежецкая земля и фигура Н. С. Гумилева, порожденного ею, будет питать не одно стих. И.: «Нет на земле могилы Гумилева, / Но есть могила матери его — / Здесь можно постоять и поклониться / И матери, и сыну, и земле... / ...Нет на земле могилы Гу-

Г. В. Иванов

милева. / Себе он это явно напророчил: / Его стихотворенье „Завещание“ / Прочтите — он могилы не хотел» («В Бежецке»). Стих. «Слепнёво», в котором присутствуют образы посещавшей село А. Ахматовой и ее «добрестного мужа», вошло в первый сб. И. «На высоком холме» (1981). К бежецкой земле И. сохранил привязанность навсегда и в 2003 выпустил книгу **«Знаменитые и известные бежечане. От Алексея Аракчеева до Алексея Смирнова»**.

В отроческом возрасте И. вместе с семьей переехал в г. Кандалакшу Мурманской обл. Там, на побережье Белого моря, родились первые поэтические опыты, и в 1967 в газ. «Кандалакшский коммунист» опубликованы его первые стихи. Окончив Московский политехникум, И. отслужил в армии, поступил в Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, откуда перешел в Лит. ин-т им. А. М. Горького, который окончил в 1977. Работал редактором в изд-вах «Современник», «Худож. лит-ра» (заведующий редакцией совр. лит-ры), «Вече» (заместитель главного редактора). С 1999 — секретарь правления СП России.

Первая серьезная публикация — поэтическая подборка в ж. «Москва» (1975, № 11). Представляя поэта, В. Соколов писал: «Стихи Геннадия Иванова искренни по интонации и чувству, молодой автор экономен в слове, его поэзия стремится к краткости и точности».

Заметна в этой подборке и склонность И. к философичности: «На влажном солнце я плещу / Свечусь, ласкаю птичью стаю, / И к берегу я, как к плечу / Доверчивому припадаю...» / Играй, волна, играй и пой, / Пока душа веселью верит, / Не ходят тучи над тобой, / И не разбил тебя прибой / О тот же берег» («Песня утренней волны»).

Первый сб. стих. И. «На высоком холме» вышел в 1981 в изд-ве «Современник». Рекомендую его к изданию, В. И. Казанцев отмечал в рецензии «свежесть поэтического содержания <...> В стихах Г. Иванова по-своему отозвалась судьба калининской деревни, где прошло его детство, и мурманский север, где он несколько лет жил и откуда уходил в плавание матросом в Арктику» (Архив автора).

И. опирается на традиции Н. Рубцова, В. Соколова, А. Жигулина: «Когда погас на горизонте свет / И от миров повеяло кочевьем, / Я все глядел на уходящий след / При свете кормового освещения. / И думал я, что жизнь, как этот след, / Недолго вьется, мчится и играет, / Что чуть подальше — и его уж нет, / И он в волнах бесследно исчезает. / Но всё хотелось на него смотреть... / Работал винт, поток воды толкая, / И несся след — исчезнуть, умереть, / И смысл, и очертания теряя» («Когда погас на горизонте свет...»).

Ю. Болдырев так характеризовал сб. «На высоком холме»: «Стихотворец обрел голос поэта... Характер, личность прорезались. Биографические детали — уже не мелочи быта; в них то мерцает, то внятно говорит и сказывается судьба» (Болдырев Ю.— С. 172–176). «Укрупнение смыслов» можно видеть в мудрой народной простоте, казалось бы, самого романтического из сюжетов: «Смеялась и пела, смеялась и пела — / Стирать и готовить и шить не умела. / Но это до срока, потом то и дело / Стирала, готовила, шила — и пела. / И счастья другого вовек не хотела!» («Счастливая»).

Второй сб. «Любовью живы» (1986) поэт начинал со строгих вопросов к себе и сомнений: «Эта ночь — не пора ли итогов? / Нет, еще не пора, не пора. / Еще мало я вынес уроков, / Начал жизнь понимать лишь вчера. / Только-только пришли испытанья, / Есть о чем говорить не спеша. / Только-только чужие страданья / Ощутила своими душа» («Эта ночь — не пора ли итогов...»). Отсюда и самоирония: «Мы пьем вино в старинном ресторане, / Который прежде назывался „Яр“, / Мой друг времен сопоставляет грани / Под грохот электрических гитар... / ...Но вдруг мы оба странно замолчали / И засмеялись с грустью пополам: / Ведь мы с то-

бой никем еще не стали, / И Пушкина-то толком не читали, / А всё туда же — „Яр“, цыганей нам...» («**Студенты**»). Сквозная тема этой книги — размышления о верности избранного пути, о праве называться поэтом («В нас ни огня священного, ни яда, / Во всем у нас какая-то прохлада...» — «**Другу-поэту**»), о сути поэзии («Поэзия принадлежит земле — / Полям и рощам, ветру и прибою, / Глазам девичьим, женской доброте, / Первопроходцам, мудрецам, влюбленным... / Поэзия принадлежит земле...»). Эту рефлексию уравнивает по-народному мудрое отношение к жизни: «Жизнь прекрасна, удивительна, / Упоительна подчас. / Но летит она стремительно / И легко минует нас. / Умоляюще, зависимо / Ловим блеск ее волны. / ...Поперек ложимся жизни мы. / Как на речке валуны» («**Жизнь прекрасна, удивительна...**»).

В сб. И. «**Утро памяти**» (1988), «**Красный вечер**» (1991), «**Берега**» (1991) заметно расширился диапазон тем, личные, лирические мотивы обогатились более масштабными размышлениями, на которых настаивала сама жизнь. В эпоху перестроечной кампании, начавшейся с переоценки великого прошлого Российского государства, И. обращается к фигурам, составившим славу и крепость России, — стихи «**Сергий Радонежский**» («Безбожество будет разбито», — / напутствовал князя монах. / Безбожество будет разбито / И проклято будет в веках...»), «**Раздумья М. В. Ломоносова**» («Добро в круговой обороне, / А пошлость — опять на коне. / И снова ты, как посторонний, / В своей необъятной стране...»), «**Судьба — суд Бога...**» и др. В этот ряд вписывается и обращение к классике: «Читаю „Бесов“... Верховенский, / Ставрогин, Шатов... / Боже мой, / На них какой-то мрак вселенский, / И души их налиты тьмой. / ... Ах, публика передовая, / Ну почему всегда ты там, / Где ложь и наглость? Как слепая, / За ними ходишь по пятнам» («**Читаю „Бесов“**»). Появляется и совершенно неожиданная для «тихого лирика» — а И. с полным основанием можно отнести к этому поэтическому направлению — гражданская тема: «Русланову слушает старый солдат, / И вольно в душе, как в долине. / Да, он консерватор, и он ретроград, / Но был в сорок пятом в Берлине. / И песня как ветер летит сквозь года / Из дали поверженной прусской — / Русланова пела в рейхстаге тогда / С великою удалью русской. / Шумите, витии, не знавшие бед, / В герои себя возводите. / Не знали ни бед, ни великих

побед, / Что вам остается — шумите» («**Ветеран**»).

Перестроечная смута породила горькие наблюдения поэта. В интервью газ. «Лит. Россия» (Девятый вал прошел... 1996. № 8. 23 февр.) И. высказал свой взгляд на происходящее: «Я тут слушал одного современного мыслителя: он считает, что мы переживаем конвульсии умирающей эпохи... Но... красота ведь не только в природе, красота есть и в трагедии... Бог посылает страдания... чтобы православные одумались. Что в сущности и происходит. И мне кажется, что русские поэты будут здесь не посторонние».

В творчестве И. вопросы веры и безверия, прежде всего как личные вопросы, становятся все насущнее: «Окропи меня, батюшка, грешника, / Намоленной водою святой — / Разных бесов большого приспешника. / Окропи меня, батюшка, грешника, / И спасительных Тайн удостой...» («**Окропи меня, батюшка, грешника...**»). Своеобразие этой тематики в сб. «**Долгий день**» (1999) отметил С. Казначеев: «Герой Геннадия Иванова, принимая веру предков, признает, что церковные обряды для него пока что знакомы и понятны не вполне». По его мысли, требовать от литератора строжайшего соблюдения всех церковных предписаний можно, но не это главное в вопросе веры, главное — чтобы его творчество находилось в согласии с евангельскими принципами: „...Я знаю, что не отмолю стихами / Грехов, но все тревожусь о стихах. / А надо просыпаться с петухами, / Читать каноны, думать о грехах... / И так, наверно, будет до могилы, / Хоть это мучает сознание мое. / Прости меня, Господь, и дай мне силы / Творить во имя светлое Твое“ („**Я не могу как следует поститься...**“ — Л. К.)» (Казначеев. — С. 74).

Искреннее религиозное чувство поэта проявляется и в благодарности Творцу: «Эта жертвенность листьев — как знак примирения... / Вот и я примиряюсь то с тем, то с другим, / И все чаще в устах моих благодарение, / Что подлунный наш мир еще Богом храним» («**Примирение**»), и в осознании окружающего мира как нового Вавилонского столпотворения: «Куда бегут все эти „мерседесы“, / Все эти дорогие катафалки? / Они везут покойников духовных — / А я живой, а я иду пешком... / Конечно, все не так прямолинейно, / И все не так, наверно, безнадежно, / Но все-таки никак я не поверю, / Что вот они Россию и спасут. / Монах спасет Россию и священник, / Спасут Россию воин и крестьянин, / Спасут Россию тихие молитвы / И громкие орудия спасут» («**Куда бегут все эти мерседесы...**»).

И.— лауреат премии «Лит. России» 1990 и 1991, премии им. Ф. И. Тютчева (2002). Живет в Москве.

Соч.: На высоком холме. М., 1981; Любовью живы. М., 1986; Утро памяти. М., 1988; Красный вечер. М., 1991; Берега. М., 1991; Долгий день. Тверь, 1999; Кресты и ласточки. М., 2000; Стихотворения. Русская поэзия. XX в. Антология / под ред. В. А. Кострова, Г. Н. Красникова. М., 1999; 2-е изд. 2001; Знаменитые и известные бежечане. От Алексея Аракчеева до Алексея Смирнова. Вып. 1. М., 2003; Вып. 2. М., 2003.

Лит.: Болдырев Ю. Гражданственность — талант нелегкий // Лит. учеба. 1982. № 1; Тер-Маркарян А. А. Девятый вал прошел... [Беседа с писателем] // Лит. Россия. 1996. 23 февр.; Казначеев С. М. Мы пришли в этот храм зарыдать: Проблема веры в современной русской поэзии // Лит. учеба. 2003. № 2.

Л. С. Калюжная

ИВАНОВ Георгий Владимирович [29.10 (10.11).1894, Пуки Тельшевского у. Ковенской губ.— 26.8.1958, Иер, департамент Вар, Франция; 23.11.1963 перезахоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем] — поэт, мемуарист, прозаик, критик.

Предки И. по отцовской и материнской линии — военные, и сам он сначала воспитывался в Ярославском кадетском корпусе (с авг. 1905), а затем (с янв. 1907) во 2-м кадетском корпусе Петербурга. Но не окончил его, дважды оставаясь на 2-й год и уйдя из 5-го класса в окт. 1911. В это время И. уже всецело посвятил себя поэзии, знаком с М. А. Кузминым, А. А. Блоком, в дневнике которого 18 нояб. 1911 записано: «...днем пришел Георгий Иванов (бросил корпус, дружит со Скалдиным, готовится к экзамену на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет), я уже мог сказать ему <...> о Платоне, о стихотворении Тютчева, о надежде (так, что он ушел другой, чем пришел)» (Блок А. СС: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 93). Блок на всю лит. жизнь И. остался его поэтическим «сверх-я», хотя школу он прошел акмеистическую и его мэтром в молодые годы был Н. С. Гумилев.

Печататься И. начал рано, в 1910–11, в студенческих ж. «Кадет-михайловец», «Gaudeamus» и др. Первая книга И. «Отплыть на о. Цитеру» «...целиком написана за школьной партией „роты его Величества“ <...> Вышла осенью 1911 года в 200 экз. <...> Через месяц после посылки этой книжки в „Аполлон“ — получил звание члена „Цеха поэтов“, заочно мне присужденное. Вскоре

Г. В. Иванов

появились очень лестные отзывы Гумилева в „Аполлоне“ и Брюсова в „Русской мысли“. И я легко и без усилий нырнул в самую гущу литературы, хотя был до черта снобичен и глуп» (Письмо Маркову от 7 мая 1957). Помимо «лестности» проявилось в оценках обоих поэтов и нечто более существенное: И. «...находится под явным влиянием своих предшественников (особенно М. Кузмина)» (Брюсов В. // Русская мысль. 1912. № 7); «...в отношении тем Георгий Иванов всецело под влиянием М. Кузмина» (Гумилев Н. // Аполлон. 1912. № 5). Правда, и «лестные» части обеих рецензий схожи: более сдержанная у Брюсова («Он умеет выдержать стиль») и «очень лестная» у Гумилева («Первое, что обращает на себя внимание в книге Георгия Иванова,— это стих. Редко у начинающих поэтов он бывает таким утонченным, то стремительным и быстрым, чаще только замедленным, всегда в соответствии с темой»).

В лит. кругах, близких к Гумилеву, И. получает известность как «арбитр вкуса». Естествен уход И. из группы эгофутуристов (Северянин, Олимпов, Грааль Арельский), в изд-ве которых «Его» был выпущен его первый сб.

Второй сб. «Горница» выходит в акмеистическом «Гиперборее» (1914). Он пронизан смутной тревогой молодого человека, попавшего на «пир богов», но не уяснившего вполне, каким образом и зачем он там ока-